

Надежда Васильевна РАЗУМКОВА¹
Ван ХУНМИН²

УДК 81-115(811.161.1+811.581)

**К ПРОБЛЕМЕ ОТРАЖЕНИЯ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА
ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА
(НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)**

¹ кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего языкознания
Тюменского государственного университета
18nadezhda3@mail.ru

² доктор филологии,
декан факультета русского языка
Цюйфуского педагогического университета
xiaozhang@mail.qfnu.edu.cn

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей мировидения двух народов — русских и китайцев — с целью определения приоритетов национального языкового сознания, моделирующего образ человека с позиций универсального и этноспецифического в лексико-фразеологической системе языков.

В качестве объекта исследования избраны характеризующие человека фразеологические обороты. Предметом является интерпретация фразеологизмов в контексте культуры, их соотнесение с культурными кодами, взятыми за основу образного осмысления этносом окружающей его действительности. В задачи входит обсуждение проблемы кодирования этнокультурных реалий по данным русской и китайской лексикографии, а также выяснение механизма структурирования и хранения этнокультурной памяти носителей типологически неравноценных языков.

Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ идиом с компонентом «душа» / 心 позволил выявить особенности «внутреннего человека» и на их основе сделать ряд

Цитирование: Разумкова Н. В. К проблеме отражения духовной жизни человека во фразеологической картине мира (на примере русского и китайского языков) / Н. В. Разумкова, Ван Хунмин // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Том 2, № 1. С. 51-62.

DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-1-51-62

выводов по поводу специфики характера представителя конкретной национальной лингвокультуры. В духовно-психологическом портрете русского человека преобладают такие черты, как прямолинейность, категоричность, альтруистичность, китайцев же отличают скромность, сдержанность в проявлении эмоций, прагматизм. Авторы работы акцентируют внимание на важной роли прикладного аспекта заявленной проблемы в сфере межкультурной коммуникации, а также в области лингводидактики.

Ключевые слова

Русский язык, китайский язык, лингвокультура, семантика, фразеологическая картина мира, фразеологическая единица.

DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-1-51-62

Заявленная тема находится в русле научной парадигмы «язык — культура — концепт». Актуальность исследования видится в том, что оно охватывает проблему национальной концептосферы, сопряженной с духовной деятельностью человека, что позволит определить ценностные приоритеты языкового сознания, особенности мировидения этноса. Фразеологическая система языка — самый консервативный, наиболее осязаемый в смысле наглядности и особой национально-специфической ценности пласт языка, самое надежное и объективное «фонетическое, ритмическое, морфологическое выражение народной души» [6]. Особую значимость в этом плане приобретает сравнительно-сопоставительный анализ антропологической фраземики (фразеологизмы, пословицы, идиомы и др.), в которой сосредоточены результаты социального и культурного опыта народа, поэтому данный аспект во всех живых языках представлен наиболее ярко.

В качестве объекта исследования избраны характеризующие человека фразеологические обороты в типологически разных языках — китайском и русском. Полагаем, будет интересно проследить, насколько глубоки различия в способах выражения «внутреннего человека» в генетически неродственных языках, а также какие образные средства придают своеобразие этническому колориту. Из поколения в поколение передаются традиции народа, его обычаи, верования в форме устойчивых выражений, обусловленных этнокультурными и языковыми факторами. Сравнительно-сопоставительный анализ мотивационного аспекта концептуального содержания межъязыковой идиоматики является одной из основных задач.

Материалом исследования послужили словарные статьи из русских и китайских лексикографических источников (В. И. Даль, А. В. Жуков, 汉语成语词典 / *Han yu cheng yu ci dian* / Китайский фразеологический словарь).

Предметом рассмотрения является интерпретация фразеологизмов в контексте культуры, их соотнесение с культурными кодами, положенными в основу образного осмысления этносом окружающей действительности.

Методологическую базу исследования составили труды известных ученых по различным аспектам языковой картины мира (С. Г. Воркачев [4], М. В. Пи-

менова [11], Ю. Е. Прохоров [12], Пэн Вэньчжао [17]), теории оценки (Н. Д. Арутюнова [2], Лю Хун [16]), лексической и фразеологической семантики (Ю. Д. Апресян [1], В. Н. Телия [13]), сопоставительной лингвистики (А. Вежбица [3], Ван Хунмин [15], Чжэн Тао [19]).

Поставленная цель работы двояка: во-первых, необходимо рассмотреть вопросы кодирования культурно-значимых реалий во фразеологических единицах, характеризующих человека, в русской и китайской лингвокультурах, а во-вторых — пределить особенности образного мышления, сквозь которые проступают черты национального характера носителя языка.

Фразеологическая картина мира (ФКМ), фиксируемая фразеологическими средствами языка, квалифицируется как один из значимых фрагментов национальной языковой картины мира, состоящей из концептов — основной единицы ментальности, которую В. В. Колесов определяет как «миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания, соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных проявлениях» [7, с. 12]. ФКМ — сложный языковой феномен, отличительными признаками которого являются антропоцентричность, модальность, образность. Восприятие ФКМ возможно в процессе усвоения и использования фразеологизмов в речи.

Под фразеологизмом мы понимаем «такое сочетание, которое может воспроизводиться в готовом виде, обладает слитностью значения составляющих его слов и экспрессивностью» [9, с. 3]. Образное содержание фразеологизма формируется посредством лингвистического и экстралингвистического факторов, а именно — метафоризации и кодирования социально-культурной значимой информации. Основой лингвистического фактора является метафора — «фундаментальный когнитивный агент, который организует наши мысли, оформляет суждения и структурирует язык» [8, с. 12]. Согласно утверждению Ю. Н. Караулова, метафору — «законсервированный источник информации» невозможно отделить от обычаев и традиций, мифов и легенд.

Как часть общемировой культуры и лингвистической культуры человека в частности, фразеологизмы выступают не просто “компактным” орудием коммуникации, инструментом познания, но и заключают в себе «культурный код нации, который необходимо расшифровать для того, чтобы избежать непонимания в ходе общения представителей различных этносов» [14, с. 81]. Продуктивным в этом смысле представляется выяснение механизма структурирования и хранения этнокультурной памяти носителей типологически неравноценных языков.

Китай издавна считается страной с богатейшей культурой, для которой характерна направленность на человека. Поэтому в китайском языке высокочастотны идиомы, связанные с повседневной жизнью, отражающие основополагающие культурно-социальные и духовные ценности, значимые для данного этноса. Концепт «человек» богато представлен во ФКМ и русского народа, что нашло отражение в структурных моделях и семантической содержательности.

Онтологическая метафора представляет человека, его психологическое состояние (душу) в виде некоего вместилища чувств и переживаний. Образно-метафорический способ предполагает выделение из денотата отдельного мотивировочного признака (например: «заяц» — о трусливом человеке). Мифологический способ предполагает мотивацию по мифологическим или идеологическим представлениям («биться до последней капли крови», где кровь символизирует жизнь).

Лингвистический фактор формирования образного содержания фразеологизма зависит от выбора мотивировочного признака при наименовании реалий и словообразовательного потенциала, а также он взаимодействует с психолингвистическими и социально культурными факторами (особенности мировосприятия народа, особенности его духовно-ментальной жизни). В совокупности все перечисленное создает национально-культурное своеобразие ФКМ, манифестированное этнокультурной коннотацией, под которой понимается «интерпретация денотативного или образно-мотивировочного аспектов значения фразеологизма в категориях этнической культуры» [5, 116]. Носителями этнокультурной коннотации выступают архетипы, эталоны, обычаи, стереотипы, набор которых ассоциируется с данным народом и имеет непосредственное отношение к национальному характеру.

Антропный, природный, пространственный, соматический, анимистический, и др. — базовые коды для русской лингвокультуры. Для китайской лингвокультуры характерны 实体文化 (shí tǐ wén huà) «объектный код», 规范文化 (guī fàn wén huà) «общественно-эталонный код» (ритуал и закон), 精神文化 (jīng shén wén huà) «духовный код».

Антропный код культуры — совокупность эмоциональных, интеллектуальных, деятельностных проявлений, противопоставленных внешнему миру. В нем аккумулируются представления о комплексном «эго» человека — «мера всех вещей» по Протагору. Ср.: «без памяти» (стремительно); 不假思索 (bù jiǎ sī suǒ) (形容说话做事快 xíng róng shuō huà zuò shì kuài, «очень быстро»).

Природный код — совокупность наименований природных объектов, явлений, элементов ландшафта: «вывести на чистую воду» (разоблачить); 水落石出 (shuǐ luò shí chū), 拨云见日 (bō yún jiàn rì) (比喻真相大白 bǐ yù zhēn xiàng dà bái «понятно, ясно»).

Пространственный код — совокупность представлений человека, связанных с пространственными отношениями: «на краю пропасти» (находиться в опасном положении); 天涯海角 (tiān yá hǎi jiǎo «между небом и морем») (形容远 xíng róng yuǎn «очень далеко от дома»).

Соматический код — самый древний, поскольку познание окружающего мира человек начал с самого себя: «сходить с рук» (благополучно оканчиваться); 出手卖 (chū shǒu mài «выгодно продать»).

Репрезентантами культурно-значимой информации, поступающей по фразеологическому каналу через концепты, становятся архетипы, мифы, ритуалы, символы.

Архетип — базисный образ, обнаруживаемый в бинарных противопоставлениях, например, «свой / чужой». Так, в русской культуре запрещено «выносить сор из избы», т. е. разглашать сведения, касающиеся узкого круга лиц (близких людей, родных). В китайской культуре нет эквивалентной фразы. Известны выражения 各人自扫门前雪, 莫管他人瓦上霜 (gè rén zì sǎo mén qián xuě, mò guǎn tā rén wǎ shàng shuāng) (莫管闲事 mò guǎn xián shì), передающие лишь отсутствие интереса к кому-либо.

Миф — древняя форма познания и объяснения мира: «словно леший водит» (в ситуации, когда человек заблудился в лесу, потому что лесной дух сбил его с дороги); 鬼迷心窍 (guǐ mí xīn qiào «словно черт его попутал»).

Ритуал — культурно-значимая последовательность действий: «преподнести хлеб-соль» (принцип русского гостеприимства); 东床快婿女婿 (dōng chuáng kuài xù nǚ xù «встречать гостя, как мужа своей дочери»).

Символ — отвлеченный образ на основе общих жизненных представлений: «своя рука — владыка» (рука символизирует власть, что хочу, то и делаю); 逐鹿中原 (zhú lù zhōng yuán), (鹿 lù «олень — символ власти»).

Стереотип — модели поведения: «бить челом» (вежливая просьба); 俯首称臣、俯首帖耳 (fǔ shǒu chēng chén, fǔ shǒu tiē ěr «низкий поклон означает подчинение кому-либо»).

Фетишизм — почитание вещей: «запретный плод» (страстное желание человека чем-либо обладать); 扫帚星 (sǎo zhǒu xīng «то, что приносит другому лицу неприятность»).

Эталон — идеальный объект для сравнения человека или предмета: «лиса» («очень хитрый человек»); 老狐狸 (lǎo hǔ lǐ) («старый лис»). В представлении китайского народа хитрым, опытным, заслуживающим уважения может быть только человек, достигший преклонных лет.

Анимизм (от латинского *anima* «душа») — система представлений человека об одушевлении или олицетворении реальных объектов: «вложить всю душу» (делать что-либо с любовью, усердием); 天意难违 (tiān yì nán wéi фаталистическое представление «трудно ослушаться судьбы»).

Для сопоставительного анализа нами были выбраны русские и китайские фразеологизмы с компонентом «душа» / 心 (xīn). По нашим наблюдениям, исследуемые выражения с компонентом «душа» функционально проявляют себя как фразеологическая универсалия не только в генетически родственных, но и типологически разноструктурных языках в плане узуальной вариативности, создании образности, экспрессивности.

Под словом «душа», как правило, понимают психический мир индивида, его переживания, настроения, чувства. Например: «чужая душа — потемки» (загадочная натура); 知人知面不知心 (zhī rén zhī miàn bù zhī xīn «трудно настоящему узнать душу другого»). Лексема «душа» часто используется в исследуемых языках, т. к. играет огромную роль в духовной жизни русского и китайского народов. В русском языке данное слово чаще всего употребляется в значении «внутренний мир человека», служит ласковым обращением к кому-

нибудь, характеризует человека, указывая на его способность быть отзывчивым. В китайском языке широко используется слово «心 (xīn)» для выражения «внутренний мир человека», особенно в китайских фразеологизмах. В настоящее время слово 心灵 (xīn líng) иногда используется в высоком стиле, но 心 (xīn) является наиболее употребительным именно в китайских фразеологических оборотах.

В ходе исследования лексикографических источников были выявлены фразеологизмы, которые мы распределили по следующим тематическим комплексам:

- 1) отражающие личностные качества человека;
- 2) определяющие психическое состояние человека;
- 3) характеризующие морально-этическую сторону поведения человека в межличностных отношениях.

Согласно нашим наблюдениям, для русских фразеологизмов характерна высокая частотность употребления лексемы «душа», которая входит в устойчивые обороты, отражающие одновременно профессиональные и личностные качества человека: «чернильная душа», «бумажная душа» (бюрократ, демонстрирующий равнодушие к просьбам другого человека). В китайском языке аналогичный смысл передан более абстрактно цветообозначением «человек черной души, плохой человек»: 黑心黑肺、狼心狗肺 (hēi xīn hēi fèi, láng xīn gǒu fèi).

Русские идиомы, выражающие неудовлетворительное физическое состояние человека: «еле-еле душа в теле»; «в чем душа только держится» (о худом, крайне истощенном человеке). В китайском языке в таком значении обычно встречаются слова 皮 (pí) «кожа» и 骨头 (gǔ tóu) «кость» — 皮包骨头 (pí bāo gǔ tóu). На физическую слабость человека при определенных обстоятельствах указывает оборот: «дунь на него — упадет». В китайском языке используется слово 风 (fēng) (ветер) для выражения подобного значения 弱不禁风 (ruò bù jīn fēng).

Наиболее многочисленной оказалась последняя группа, включающая русские глагольные фразеологизмы: «душа болит», «душа замирает», «душа не лежит на месте» (состояние беспокойства, угнетения) / 心惊胆战, 心惊肉跳 (xīn jīng dǎn zhàn, xīn jīng ròu tiào) (состояние страха). Нередко лексический компонент «душа» заменяется словом «сердце», которое рассматривают как вместилище души. Глагольные фразеологизмы многообразно и разносторонне демонстрируют образные представления человека о душе: «душа уходит в пятки» (в момент переживаемого страха душа перемещается из сердца в пятки ног); «на душе кошки скребут»; «на душе камень лежит» (состояние неудовлетворенности собой или ситуацией). В китайском языке фразеологизм «душа уходит в пятки» передан выражениями, в которых слово «душа» не упоминается, например: 灵魂 离 窍, 魂 不 附 体 (líng hún lí qiào, hún bù fù tǐ) (состояние страха). Что касается выражения 百爪挠心 (bǎi zhuǎ náo xīn) («на душе кошки скребут»), 心里压了一块石头 (xīn lǐ yā le yī kuài shí tóu) («на душе

камень лежит»), то в китайском языке эти выражения находятся за рамками фразеологического корпуса.

Установленные сходства и различия в способах кодирования объективной действительности, с одной стороны, свидетельствуют об универсальном характере культурных ценностей, а с другой — об особенностях этнического сознания носителей языка. Объем семантики русского слова «душа» и китайского 心 (xīn) примерно одинаков, но они различаются функциональностью. Носители данных языков прибегают к образу души для выражения психических и физиологических состояний, для оценки личностных качеств человека. Русский народ часто употребляет фразеологизмы со словом «душа» в разговорной речи («на душе», «не по душе», «сколько душе угодно»). Аналогичными значениями обладают такие китайские выражения, как 心花怒放 (xīn huā nù fàng) («на душе радостно» — положительный смысл, «не по душе» — отрицательный). В русском языке, в отличие от китайского, имеется разнообразная палитра стилей употребления лексемы «душа». Использование уменьшительно-ласкательных суффиксов (душенька, душечка) оказывает влияние на формирование повышенной эмоциональности русскоязычного человека, а категория рода способствует олицетворению окружающего мира, придавая ему человеческие свойства, например, «работать с душой» (работать увлеченно).

В китайском языке существует ряд синонимов для выражения этого понятия. На наш взгляд, для китайского народа характерно трепетное отношение к слову «灵魂 (líng hún)», поэтому такие фразеологические выражения обычно обозначают состояние экзистенциального страха, испытываемого человеком (魂飞魄散 hún fēi pò sàn, 失魂落魄 shī hún luò pò). В большинстве случаев используемое слово 心 служит для выражения различного состояния личности, но часто в высоком или нейтральном стиле (心惊肉跳 xīn jīng ròu tiào — «страх», 心心相通 xīn xīn xiāng tōng — «понимать друг друга»). Обнаружены определенные участки фразеологического фонда, которые не всегда адекватно покрываемы. Например, значение фразеологизма «на душе камень лежит» (состояние неудовлетворенности собой или ситуацией) в китайском языке передается предложением 心里压了一块石头 (xīn lǐ yā le yī kuài shí tou). Не имеет фразеологического соответствия в русском языке выражение 漠不关心 (mò bù guān xīn), которое означает «беззаботно».

Ряд примеров свидетельствует о различии мышления представителей разных лингвокультур, что указывает на актуальность определенных концептов для русского и китайского сознания. В русской ФКМ однокоренные слова «душа», «дух», «духовность» занимают первую позицию в национальной системе ценностей. Понятие «душа» превалирует над рассудком и здравым смыслом, что подтверждает такой фразеологизм, как «душа нараспашку», имеющий мелиоративную оценку «откровенный». Одобрительность подчеркивается наличием коннотативных сем в синонимах: «душевность», «сердечность», «искренность», «радушие» и др. В духовно-психологическом портрете русского человека преобладают такие черты, как прямолинейность, категорич-

ность, альтруистичность. В китайской ФКМ семантические и невербальные доминанты коммуникативной стратегии другие — нежелание огорчать окружающих собственными проблемами (улыбка xiào) и невмешательство в жизнь и дела других людей (выражение «возможно, наверное» — kě néng). Говоря другими словами, достойный человек — осторожный, скромный, трудолюбивый, умеющий владеть собой в разных ситуациях. Отсюда ценностная значимость такой черты национального характера русского человека, как душевная щедрость поведения, которая не всегда понятна китайцу. Проведенный сопоставительный анализ ФКМ это подтверждает.

В заключение отметим, что выделение национально-культурной специфики, содержащейся во фразеологизмах, имеет не только научно-теоретическое значение, но и несет в себе большой прагматический потенциал. В диалоге культур представителей разных народов важной становится способность к выявлению и пониманию содержащихся в языках имплицитных смыслов и коннотаций, недостаток знания которых зачастую приводит к коммуникативным неудачам. Высокий уровень владения фразеологическими ресурсами станет хорошим подспорьем в решении многих задач в сфере социального и межнационального взаимодействия. Сопоставительное изучение ФКМ должно найти широкое применение в учебной практике, поскольку создает условия для познания мира в богатстве взаимодействий предметов и философских начал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. М., 1995. 367 с.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка события. Факт / Н. Д. Арутюнова. М., 1988. 341 с.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая; пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз. М., 1996. 416 с.
4. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропологической парадигмы в языке / С. Г. Воркачев // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.
5. Демидова К. И. Диалектная языковая картина мира и аспекты ее изучения: монография / К. И. Демидова. Екатеринбург, 2011. 195 с.
6. Ильин И. Сущность и своеобразие русской культуры / И. Ильин. М., 1996. 171 с.
7. Колесов В. В. Язык и ментальность: монография / В. В. Колесов. СПб, 2004. 240 с.
8. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 387-415.
9. Мокиенко В. М. Вглубь поговорки: рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений / В. М. Мокиенко; 3-е изд., перераб. СПб.: «Авалон», «Азбука-классика», 2007. 256 с.

10. Никитина Л. Б. Образ-концепт “homo sapiens” в русской языковой картине мира как объект антропоцентристской семантики: автореф. дис. докт. филол. наук / Л. Б. Никитина. Омск, 2006. 38 с.
11. Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации / М. В. Пименова. Кемерово: Комплекс «Графика», 2002. С. 59-65.
12. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта: монография / Ю. Е. Прохоров; 2-изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 176 с.
13. Телия В. Н. Метафора и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М., 1988. С. 26-52.
14. Шатрович Н. В. К вопросу об использовании фразеологизмов для отражения языковой картины мира в итальянском политическом газетном тексте / Н. В. Шатрович // Актуальные проблемы романистики и методики преподавания итальянского языка как иностранного: сборник материалов I международного научно-методического семинара. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. 2008. С. 81-85.
15. 王洪明. 试析俄汉动词语义差异的形成机制[J]. 中国俄语教学. 2014, no 4, pp. 22-27 / Ван Хунмин. О механизме формирования различий в семантике русских и китайских глаголов [J] // Русский язык в Китае. 2014. № 4. С. 22-27.
16. 刘宏、任珊珊. 成语与语言世界图景及语言意识民族性研究[J]. 中国俄语教学. 2013, no 4, pp. 32-37 / Лю Хун, Жэнь Шаньшань. О фразеологизмах в языковой картине мира и языковом сознании народа [J] // Русский язык в Китае. 2013. № 4. С. 32-37.
17. 彭文钊. 语言世界图景和概念世界图景: 投射与映现[J]. 解放军外国语学院学报. 1999, no 6, pp. 30-36 / Пэн Вэньчжао. Языковая картина мира и концептуальная картина мира: проекция и отражение [J] // Вестник института иностранных языков китайской народной армии. 1999. № 6. С. 30-36.
18. 赵爱国. 语言世界图景理论及其研究[J]. 外语与外语教学. 2004, no 11, pp. 1-6 / Чжао Айго. О теории языковой картины мира и ее исследовании [J] // Иностранные языки и методика иностранных языков. 2004. № 11. С. 1-6.
19. 郑涛. 俄汉谚语语言世界图景中的文化差异[J]. 贵州民族学院学报(哲学社会科学版). 2009, no 1, pp. 159-162 / Чжэн Тао. Культурное различие в языковой картине мира русских и китайских фразеологизмов [J] // Вестник Гуйчжоуского народного института. 2009. № 1. С. 159-162.

Nadezhda V. RAZUMKOVA¹
Wang HONGMING²

**ON THE PROBLEM OF REFLECTING A MAN'S SPIRITUAL LIFE
IN THE PHRASEOLOGICAL PICTURE OF THE WORLD
(ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES)**

¹ Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor,
Linguistics Department,
Tyumen State University
18nadezhda3@mail.ru

² Doctor of Philology,
Dean of the Russian Language Department,
Qufu Pedagogical University
xiaozhang@mail.qfnu.edu.cn

Abstract

The article is devoted to the research of specific features of the image of the world of two nations — the Russians and the Chinese. The purpose of the article is to identify the priorities of the national language consciousness, which model a person's image from the positions of universal and ethnic language specifics in the lexicological and phraseological systems. The set phrases characterizing a person have been chosen as an object of research, while the subject for consideration is the interpretation of the phraseological units in the context of culture in correlation with its codes, which are the basis for an ethos' figurative comprehension of the surrounding environment. The objectives include the discussion of a problem of coding ethnic cultural realities, according to the Russian and Chinese lexicography, and clarification of the structuring and storage mechanism of ethnic cultural memory of the speakers of typologically different languages. The comparative analysis of idioms with a "dusha / 心 / soul" component revealed features of "the inner person", and on their basis the authors have made some conclusions concerning the specifics of the character of a national language-culture's representative. Such features as straightforwardness, sincerity, and altruism

Citation: Razumkina, N. V. and Wang Hongming. 2016. "On The Problem of Reflecting a Man's Spiritual Life in the Phraseological Picture of the World (On the Example of the Russian and Chinese Languages)". Tyumen State University Herald. Humanities Research, vol. 2, no. 1, pp. 51-62
DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-1-51-62

prevail in a spiritual and psychological portrait of a Russian person, while the Chinese have the dominant features of pragmatism, modesty, and emotional restraint. The authors of the article focus on the importance of the applied aspect of the declared problem in the sphere of cross-cultural communication, as well as in the field of linguistic pedagogy.

Keywords

The Russian language, the Chinese language, Language culture, semantics, phraseological picture of the world, phraseological unit.

DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-1-51-62

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. 1995. *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskiye sredstva yazyka* [Lexical Semantics. Synonymous Means of Language]. Moscow.
2. Arutunova, N. D. 1988. *Tipy yazykovykh znachenii. Otsenki sobytiya. Fakt* [Types of Linguistic Meanings. Event Estimation. Fact]. Moscow.
3. Wierzbicka, A. 1996. *Yazyk. Kultura. Poznaniye* [Language. Culture. Cognition]. Translated from English and edited by M. A. Krongauz. Moscow.
4. Vorkachev, S. G. 2001. *Lingvokulturologiya, yazykovaya lichnost, kontsept: stanovleniye antropologicheskoy paradigmy v yazyke* [Language Culture, Linguistic Personality, Concept: Formation of Anthropology Paradigm in Language]. *Philology Sciences*, no. 1, pp. 64-72.
5. Demidova, K. I. 2011. *Dialektnaja jazykovaja kartina mira i aspekty ee izuchenija: monografija* [Dialect Linguistic Image of the World and the Aspects of its Study: a Monograph]. Yekaterinburg.
6. Iliin, I. 1996. *Sushchnost i svoeobrazie russskoj kultury* [The Essence and Identity of Russian Culture]. Moscow.
7. Kolesov, V. V. 2004. *Jazyk i mentalnost: monografija* [The Language and Mentality: a Monograph]. St. Petersburg.
8. Lakoff, G. and M. Johnson. 2004. "Metafory, kotorymi my zhivem" [Metaphors We Live By]. *Teoriya metafory [the Theory of Metaphor]*. Translation and foreword by A. N. Baranov. Moscow.
9. Mokienko, V. M. 2007. *Vglub pogovorki: Rasskazy o proishozhdenii krylatyh slov i obraznyh vyrazhenij* [Deep into a Saying: Stories on the Origin of Idioms and Figures of Speech]. 3rd ed., rev. St. Peterbourg: Avalon.
10. Nikitina, L. B. 2006. "Obraz-kontsept 'homo sapiens' v russskoj jazykovoj kartine mira kak objekt antropocentristskoj semantiki" [The Image-Concept of "Homo Sapiens" in the Russian Language Picture of the World as an Object of Anthropocentric Semantics:]. *Synopsis of Dr. Sci. (Philol.) diss.*, Omsk State University.
11. Pimenova, M. V. 2004. *Dusha i dukh: osobennosti konceptualizacii: monografiya* [Soul and Spirit: Conceptualization Features: a Monograph], pp. 59-65. Kemerovo.
12. Prokhorov, Yu. E. 2009. *V poiskah kontsept: monografiya* [Searching for the Concept: a Monograph]. Moscow.

13. Telia, V. N. 1988. "Metafora i ee rol v sozdanii jazykovoj kartiny mira" [Metaphor and its Role in the Creation of a Linguistic Image of the World]. Rol chelovecheskogo faktora v jazyke: Jazyk i kartina [The Role of the Human Factor in Language: the Language and the Picture of the World], pp. 26-52. Moscow
14. Shatrovich, N. V. 2008. "K voprosu ob ispolzovanii frazeologizmov dlja otrazhenija jazykovoj kartiny mira v italjanskom politicheskom gazetnom tekste" [On the Issue of Using Phraseology to Reflect the Linguistic World in Italian Political Newspaper Text]. Aktualnye problemy romanistiki i metodiki prepodavanija italjanskogo jazyka kak inostranogo: sbornik materialov I mezhdunarodnogo nauchno-metodicheskogo seminaru [Actual Problems of Roman Studies and Methods of Teaching Italian as a Foreign Language: a Collection of Materials of the 1st International Scientific and Methodological Seminar], pp. 81-85. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University; Institute for Foreign Languages.
15. 王洪明 [Wang Hongming]. 2014. 试析俄汉动词语义差异的形成机制 [On the Formation Mechanism of Differences in the Semantics of the Russian and Chinese Verbs] [J]. 中国俄语教学 [The Russian Language in China], no.4, pp. 22-27
16. 刘宏、任珊珊 [Liu Hong, Zhen Shanshan]. 2013. 成语与语言世界图景及语言意识民族性研究 [On the Phraseological Units in the Linguistic World-Image and Linguistic Consciousness of the People] [J]. 中国俄语教学 [The Russian Language in China], no. 4, pp. 32-37.
17. 彭文钊 [Pan Wangzhao]. 1999. 语言世界图景和概念世界图景: 投射与映现 [Linguistic Image of the World and Conceptual Image of the World: Projection and Reflection] [J]. 解放军外国语学院学报 [The Russian Language in China], no. 6, pp. 30-36.
18. 赵爱国 [Zhao Aigo]. 2004. 语言世界图景理论及其研究 [On the Theory of Linguistic Image of the World and its Study] [J]. 外语与外语教学 [Foreign Languages and the Methods of Foreign Languages], no. 11, pp. 1-6.
19. 郑涛 [Zhan Tao]. 2009. 俄汉谚语语言世界图景中的文化差异 [Cultural Differences in the Linguistic Image of the World of the Russian and Chinese Phraseological Units] [J]. 贵州民族学院学报(哲学社会科学版) [Guizhou University Herald], no. 1, pp. 159-162.